

УДК 323.21:341.218.1

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА

С. В. Тихонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: segedasv@yandex.ru

В статье автор рассматривает концептуализацию публичной сферы в теориях информационного общества. Предлагается периодизация теорий информационного общества, показывается влияние практики государственного реформирования на методологическое содержание конкретных этапов. Анализируется юридизация информационно-коммуникационных технологий как фактор развития электронного государства в публичной сфере информационного общества; выдвигается определение электронного государства.

Ключевые слова: информационное общество, публичная сфера, электронное государство, юридизация информационно-коммуникационных технологий.

Public Sphere of Information Society: Development of the Electronic State

S. V. Tikhonova

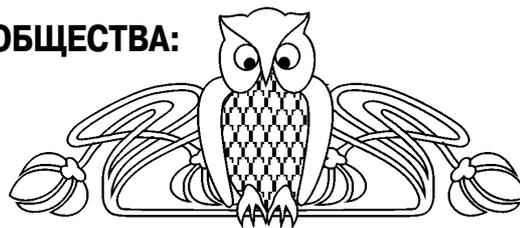
The author considers conceptualization of the public sphere in theories of information society in article. She offers the periodization of theories of information society and shows the influence of state reforming practice to the methodological maintenance of concrete stages. The author analyzes the juridization of information and communication technologies as a factor of development of the electronic state in the public sphere of information society and forwards definition of the electronic state.

Key words: information society, public sphere, electronic state, juridization of information and communication technologies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-80-85

Концепция информационного общества является одной из наиболее влиятельных в современной социально-политической теории. Ее неоднократно критиковали с различных позиций за бессистемность, мозаичность, утопизм, технократизм и дегуманизацию, что не помешало ей стать основой массивных социально-политических реформ, проводимых по всей планете и приносящих весьма ощутимые результаты.

Длительность существования (а первые подходы к определению информационного общества специалисты относят к 60-м и даже 50-м гг. XX в.) теории информационного общества не привела к систематизации ее базовых положений, выдвинутых в рамках различных подходов представителями разных научных отраслей и социально-философских течений. Эпоха постмодерна добавила эклектики и синонимии в ее категориальные ряды. Вместе с тем в процессе

изучения этой теории приходится констатировать небывалый для социальных концепций охват объекта – теоретикам информационного общества пришлось столкнуться с социальной динамикой, затронувшей человечество в планетарных масштабах, и иметь дело с осмыслением социальных последствий технологий, развивающихся так быстро, что конкретные их виды успевали устареть раньше, чем выходила в свет описывающая их работа. Вероятно, специфика современных коммуникационных революций, для которых характерны конвергенция технологий, серия технологических прорывов и лавинообразное расширение, делает незавершенность атрибутивным свойством рассматриваемых теорий. Неизбежное появление новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) детерминирует открытость теории и к новым фактам, и к рефлексивному обращению к собственным основам.

Периодизация развития теории информационного общества

Можно выделить четыре этапа в развитии теории информационного общества, совмещая ретроспективный критерий с категориальным, выделяя хронологические периоды и доминирующие на их протяжении категории, игравшие ключевую роль в интерпретации техногенного развития: информационный, постиндустриальный, глобализационный и сервисный. Рассмотрим их подробнее.

1. Первый, ранний этап формирования информационного общества был связан с процессами компьютеризации экономики и управления. Центральная категория теоретизации этого времени – информация, обрабатываемая с помощью ЭВМ. Пионерами данного периода оказались теоретики и практики государственных реформ в Японии, осуществленных в 60–70-е гг. XX в. Правительство Японии, страны-колыбели робототехники и автоматизации производства, в этот период было заинтересовано в массовой компьютеризации, что означало перенос государственной поддержки из сектора тяжелой промышленности в сферу интеллектуальных инноваций. Термин «информационное общество» был предложен Умэсао Тадао¹, концептуализи-

рован в рамках теоретического анализа в работах Т. Умэсао, Ю. Хаяси, К. Кохиямы, доктринально закреплен в отчетах организаций, работавших на Японское правительство (Агентство экономического планирования, Институт разработки и использования компьютеров, Совет по структуре промышленности), популяризирован в англоязычных трудах Е. Масуды. Совместными усилиями перечисленных авторов сложилась трактовка информационного общества как такого общества, в котором процесс компьютеризации дает людям доступ к надежным источникам информации, избавляет их от рутинной работы, обеспечивает высокий уровень производства. По данным М. И. Савинцевой, сформулированная японскими теоретиками модель информационного общества, обозначенного как «телематическое», была перенесена в Европу Симоном Нора и Аланом Минком, использовавшим этот термин в представленном ими президенту Франции докладе о компьютеризированном обществе². Национальными подходами к осмыслению японской концепции объясняется дальнейшее разнообразие терминов, описывающих состояние информационного общества (телематическое, технотронное, супериндустриальное и т. д.).

Для ранних доктрин информационного общества характерна описательность и футурологичность. Однако уже на первом этапе модель приобретает определенное историософское звучание благодаря работам О. Тоффлера. Первые попытки Тоффлера осмыслить вклад компьютеризации в социальное развитие связаны с используемым им понятием «супериндустриальное общество», под которым подразумевается сложное, быстро развивающееся общество, основанное на передовых технологиях и постматериалистической системе ценностей³. Позднее, обращаясь к волновой теории исторического процесса, Тоффлер создает образ собственно информационного общества, т. е. общества Третьей волны. Оно возникает благодаря информационной революции, сменившей аграрную (Первая волна) и промышленную (Вторая волна)⁴. Повсеместное распространение компьютеров, турбореактивной авиации, гибких технологий определяет его облик. Появляются новые виды семьи, стили работы, жизни, складываются новые формы политики, экономики и сознания. Механистическое восприятие мира уходит в прошлое, на передний план выступают нововведения, для восприятия которых необходимо постоянное развитие познавательных способностей. Ведущая роль в информационном обществе Тоффлера отводится сфере услуг, науке и образованию. Важно отметить, что сам Тоффлер оценивал свою концепцию как «практическую утопию», картину общества, которое придет завтра.

2. Второй этап, пришедшийся на 70–80-е гг. XX в., обозначен как постиндустриальный. Его

основная категория – знания как основа постиндустриальной экономики. Именно новой ролью теоретического знания Д. Белл объяснял происхождение главных черт западного общества последней четверти двадцатого столетия. По его мнению, теоретическое знание превращается в главный источник технологических нововведений, что делает возможным переход от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг. Этот переход является основой доминирования профессионального и технического классов над традиционным пролетариатом, а также появления интеллектуальных технологий, дающих ключ к рациональному планированию технологического и социального развития⁵. Так появляется категория постиндустриального (информационного) общества, играющая весьма важную роль в современных социальных теориях. Изначально Белл формулировал ее как аналитическую конструкцию, а не социальный проект⁶. Известна попытка методологически дифференцировать понятия «постиндустриальное общество» и «информационное общество», связав первое с теорией постмодернити, а второе – с цивилизационным подходом⁷. Тем не менее, как правило, эти понятия очень часто выступают в качестве синонимов даже для самих представителей постиндустриализма и теоретиков информационного общества; их однозначная демаркация – крайне неблагоприятная задача для исследователя. Известны также попытки противопоставления концепций общества знания и информационного общества: например, в 2005 г. в докладе ЮНЕСКО информационное общество трактовалось как технологическое состояние, не учитывающее гуманитарных составляющих в противоположность обществам знания, определение которых строится на более широких социальных, экономических и политических параметрах⁸. На практике, впрочем, это противопоставление сведется к конкретизации телеологии социального развития, поскольку для достижения целей общества знания неизбежно требуется развитая инфраструктура информационного общества.

3. Глобализационный этап (80–90-е гг. XX в.). В этот период понятие «глобализация» становится определяющим в социальном знании. По мнению Э. Гидденса, «глобализация – термин, который должен занять ключевое место в лексиконе общественных наук»⁹, поскольку в те годы он стал своеобразной призмой, сквозь которую рассматривались изучаемые явления. Анализируя мир как глобальную систему, Э. Гидденс говорит о том, что такая система не может рассматриваться в качестве среды, в условиях которой различные общества растут и изменяются¹⁰. Социальные, политические и экономические связи пересекают границы государств и властно вторгаются в судьбы живущих в них людей.

Идеология глобализации – это идеология модерности, навязывающая всем странам мо-

дель развития, в которой главную роль играет «невидимая рука рынка». «Глобальная организация производства и финансов означает, что национальное государство не проводит самостоятельную политику, а только выполняет решения МВФ, ВТО, Всемирного банка и других международных организаций»¹¹. В итоге возникает проблема глокализации, заключающаяся в усилении местных, локальных различий между государствами, нациями, этносами вследствие все большей глобализации.

Социальные эффекты экономических процессов глобализации рассмотрены теоретиками глобализации, описывающими трансформацию социальных пространств, их «открепление» от национальных территорий на основе новых медиа, транспортных сетей, социокультурных практик туризма и миграции. Глобализация равнозначна возникновению транснационального социального пространства, образованного взаимодействием разнообразных транснациональных организаций, органов, групп, личностей, создающих и развивающих паутину социальных отношений, нити которых пролегают через национальные государства.

Транснациональные социальные пространства, населенные пространственно мобильными людьми и неподвижными резидентами, соединенными посредством коммуникаций в разных странах, не только дополняют международное пространство суверенных национальных государств, но и заставляют его пределы существенно сужаться.

Таким образом, теория глобализации усилила концепцию информационного общества, придав ей глобальный статус, и одновременно продемонстрировала значимость коммуникационных революций для социальной динамики. Без развития средств коммуникации глобализация была бы невозможной.

Вместе с тем именно процессы глобализации неразрывно связаны со стихийным распространением технологий. Как справедливо отмечает Д. Е. Прокудин, информационно-коммуникационные технологии отличаются следующими характеристиками: «...трансграничность и дальное действие, т. е. проницаемость для них традиционных межгосударственных барьеров, что делает для них доступным почти любой географический район планеты и подрывает бытующую в мире концепцию создания закрытых для информации зон; мобильность, портативность и универсальность; доступность ... для потребителя, востребованность, привлекательность, что ведет к массовости использования»¹². В итоге ИКТ распространились по всей планете, но это распространение не было равномерным и системным, оно привело к появлению нового вида социальной стратификации (в том числе и в планетарном масштабе), выразившейся в феномене цифрового разрыва.

4. Сервисный этап, центральным для которого стало понятие «публичная услуга», начался в последнее десятилетие XX в. и продолжается по настоящее время. В 90-е гг. XX в. начался коммуникационный бум, связанный с бурным развитием и распространением Интернета. Цифровое неравенство потребовало существенных сглаживающих мер от правительств самых разных стран. Высокими темпами шло формирование технической инфраструктуры информационного общества, неуклонно росло число интернет-пользователей. Сетевая электронная коммуникация с ее оперативностью, простотой и равенством участников рутинизировалась, на ее основе формировались социальные ожидания и коммуникативные обычаи. Контраст между взаимодействием в киберпространстве и традиционными бюрократическими институтами, действующими в публичной сфере, осложнял взаимоотношения между государственными структурами и индивидами, снижая эффективность государственного управления. Стало очевидным, что информационное общество не может не затрагивать сферы политики и права, встал вопрос о содержании этих изменений. В центре внимания исследователей при изучении политико-правового потенциала информационно-коммуникационных технологий, пожалуй, впервые массово оказалась не столько информация, сколько коммуникация, осуществляемая в публичной сфере.

Публичная сфера информационного общества

Рассмотрим процесс становления публичной сферы информационного общества. Во-первых, он начался благодаря включению в проблематику информационного общества политических, а затем и правовых процессов и явлений. Публичный потенциал Интернета был первоначально конкретизирован в проблеме электронной демократии. Интернет как публичное пространство исследователи описывали довольно давно¹³, но чаще всего сводили его социально-политические функции до миссии института формирования общественного мнения. Однако Интернет является не только одним из средств массовой информации, он выступает в качестве инструмента социальной интеграции и социальной солидарности, опирающегося не на пассивную оценку событий, а на активную модель интерактивного взаимодействия, определяющего новую архитектуру публичной сферы.

Как справедливо отмечают М. Ю. Казаков и В. А. Кутырев, дихотомию публичной и частной сферы определяют на основе двух подходов: «1) под “публичными” преимущественно подразумеваются те виды деятельности или полномочия, которые так или иначе были связаны с государством и обществом, тогда как под “частным” понимается деятельность частных граждан; 2) в противопоставлении публичного и частного

выделяют “публичное”, как “открытое” и “доступное для публики”, то есть информацию, которую может получить большинство. Напротив, “частное” – это то, что скрыто от публики, о чем известно лишь ограниченному кругу лиц. Применительно к сфере политики эта дихотомия порождает проблему “публичности” как степени “видимости”, открытости, с одной стороны, государственной власти, с другой – личной жизни граждан»¹⁴. Дуализм публичной сферы не только несет новые риски непотизма, но и выдвигает новые конструкции общественных отношений. Соответственно, в публичной сфере Интернета проектируются, реализуются, обсуждаются и корректируются отношения власти и граждан. Иначе говоря, в киберпространстве представлен как публичный дискурс по актуальной повестке дня, так и интеракции по разрешению насущных проблем.

Во-вторых, модернизация институционального взаимодействия государства, граждан и их объединений привела к переосмыслению государственных функций и коммуникаций. Сначала в Европейском союзе, а за ним и в других странах сферу социальной активности государства стали трактовать как систему служб общего значения. Эта концепция имеет мультипарадигмальный статус, интегрируя французский дюгианский солидаризм, германскую концепцию государственного обеспечения жизнедеятельности населения и англосаксонскую теорию государственного менеджмента. В рамках данной статьи особое значение имеют те ее аспекты, которые привели к развитию доктрины информационного общества.

Понятие публичной (государственной) услуги возможно только тогда, когда имплицитно речь идет о социальной миссии государства, реализуемой в «клиенториентированном» ключе. Конечно, публичные услуги власти оказывали с древнейших времен, начиная от строительства каналов и заканчивая охраной караванов. Вместе с тем «со временем менялись значение и вес публичных услуг в общем объеме производимого публичной властью интегрального организационно-деятельностного продукта, усложнялась внутренняя структура»¹⁵. К XXI в. важнейшими характеристиками качества услуг стали широта доступа, оперативность и прозрачность предоставления, т. е. такие свойства, которые не могут быть обеспечены классической бюрократией, но легко достигаются в условиях киберпространства.

Сервисная сущность современного информационного общества заключается и в новой роли информационных правовых систем, представляющих собой специфические сервисы по работе с правовой информацией. По мнению Д. Б. Новикова, правовую информацию можно определить как массив правовых актов и тесно связанных с ним справочных, нормативных и иных материалов, охватывающих все сферы правовой деятельности¹⁶. Гарантии правового информирования населения предусмотрены ст. 5, 24 и ч. 4 ст. 29

Конституции Российской Федерации. Доведение до населения правовой информации, затрагивающей права, свободы и обязанности человека и гражданина, является важной составляющей деятельности органов государственной власти. Доступ к правовой информации раскрывается также в таких нормативно-правовых актах, как Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов Российской Федерации»; Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». 4 мая 2011 г. Президент России утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан».

Информационная правовая система является ядром, получая и распространяя правовую информацию в электронном виде по территории всей страны¹⁷. Аккумулируя правовые документы, обеспечивая их синхронизацию и обновление, предоставляя удобную оболочку для работы с ними, информационно-правовые системы обеспечивают новое качество работы с правовой информацией, делают ее обозримой и операциональной. Интенсивное развитие информационно-правовых систем характерно для всех развитых стран. Наиболее успешными оказываются негосударственные проекты таких систем, поскольку они отличаются слишком высокой затратностью для бюджета.

В настоящее время в нашей стране существуют и государственные, и негосударственные системы правовой информации. Деятельность первых предусмотрена Федеральным законом от 21 октября 2011 г. № 289-ФЗ, вносящим поправки в Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». В соответствии с Законом, «Официальный Интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) считается источником официального опубликования федерального конституционного закона, федерального закона, акта палаты Федерального собрания. Этот портал, зарегистрированный как сетевое издание и федеральная государственная информационная система, обеспечивает свободный круглосуточный доступ граждан к актуальной и ретроспективной информации по трем разделам: ИПС «Законодательство России» (зарегистрирована как СМИ – электронное периодическое издание); официальное опубликование правовых актов; Свод законов Российской Империи. Кроме того, на портале возможно размещение муниципальных правовых актов и нормативных правовых актов федеральных

органов исполнительной власти, признанных Министерством юстиции России не нуждающимся в государственной регистрации.

К государственным информационным правовым системам относятся также портал «Нормативные правовые акты Российской Федерации» Единой системы информационно-телекоммуникационного обеспечения Минюста России; информационно-правовая система Федерального собрания Российской Федерации. Также в Российской Федерации действуют негосударственные системы правовой информации – «Гарант», «Кодекс», «КонсультантПлюс», Экспертная юридическая система «Lexpro», система «Юрист» и т. д.

Основная проблема сосуществования государственных и негосударственных информационных правовых систем заключается в конфликте качества информации и качества сервиса. Надлежащее качество (точность и достоверность) правовой информации могут обеспечить только компетентные органы государственной власти, тогда как комфортность пользования, оперативность, актуальное обновление и правовое сопровождение эффективнее обеспечиваются коммерческими системами, обладающими достаточными мощностями серверов, профессиональными вебдизайнерами и проч. Вся деятельность негосударственных систем (включая получение прибыли) возможна только благодаря усилиям государственных структур, реализующих свою функцию в условиях жесткого дефицита средств. Коммерциализация же правовой информации чревата потерей открытого доступа для большинства граждан, часто равнозначной неспособности защитить свои права и законные интересы.

Однако, несмотря на издержки и противоречия, связанные с обозначенным конфликтом, информационные правовые системы все чаще используются для работы с правовой информацией как рядовыми гражданами, так и юристами-профессионалами.

В итоге рассмотренных процессов дискурс информационного общества сместился в плоскость артикуляции проблем формирования специфических публичных и государственных сервисов на основе конкретных технологических платформ, т. е. к новым проектам организации публичной сферы, связанным с новыми коммуникативными функциями современного государства. Тематика исследований стала технологической, поскольку ориентировалась на поиск конкретных технических решений.

По сей день технократическая версия концептуализации информационного общества доминирует над знаниевой в силу внедрения в политико-правовую жизнь ИКТ. Осмысление проблем электронного правительства перевело теоретическое мышление от анализа новых экономических эффектов ИКТ к эффектам полити-

ко-правовым, связанным с активным использованием ИКТ в государственном строительстве. Достаточно масштабно изученное увеличение объемов информации уступило исследованиям способов ее движения. Логика «от информации к коммуникации» позволяет не только обнаружить конфигурацию коммуникационной инфраструктуры информационного общества, но и увидеть ее динамику, управляемое развитие. Использование ИКТ подчиняется цели обеспечения перманентной оптимизации партисипативного взаимодействия власти и общества, взаимной открытости к сотрудничеству с заинтересованными в решении проблем субъектами.

Распространение Интернета нередко рассматривают как угрозу национальному суверенитету. Выступая агентом глобализации, Интернет способствует эрозии суверенитета государства, поддерживая паутину транснациональных интеракций. Т. М. Полякова демонстрирует спекулятивность политико-правового идеала информационного общества, предлагающего очередной «общественный договор», который ориентирует на «абстрактного человека» и отказ от национальных интересов¹⁸. Однако цели использования техники определяет человек. Космополитическая реальность информационного общества оказалась утопией – государства сохранили свое национальное своеобразие в разработке конкретных технологических решений электронных инноваций в сфере отношений государства и общества, создании систем разнообразных сервисов, обеспечивающих оперативную и прозрачную поставку услуг государством населению.

По меткому замечанию А. В. Андреева, «современное государство стремится решать все меньше проблем, используя традиционные ресурсы управления, и все чаще вынуждено прибегать к “гибким стратегиям”. Государство в конце XX в. действует в сетях внутрисоциальных и транснациональных взаимоотношений»¹⁹. Новые возможности самоорганизации, которые дает Сеть, государство учится направлять и контролировать. Главным ее инструментом в решении этой задачи является право, которое не может оставаться неизменным в новых условиях. ИКТ становятся неотъемлемым средством решения политико-правовых задач, в результате чего, с одной стороны, политическая и юридическая практика меняются под влиянием информатизации, а с другой, сами технологии адаптируются к решению юридических задач.

В итоге информационно-коммуникационная технология приобретает черты юридической технологии, подчиняясь содержательным и процессуальным требованиям, вытекающим из сущности права.

Таким образом, современный этап развития информационного общества, вызванный информатизацией публичной сферы, представлен интенсивными процессами юридизации ин-

формационно-коммуникационных технологий, обслуживающих построение электронного государства, определяемого как совокупность сетевых сервисов по предоставлению публичных услуг и правовой информации в онлайн-режиме, а также электронных платформ, обеспечивающих деятельность базовых ветвей государственной власти.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Савинцева М. И.* Информационное общество и основы правового регулирования и развития информационно-телекоммуникационной индустрии в Японии // Япония. 2008. № 37. С. 132.
- ² Там же. С. 131.
- ³ См.: *Тоффлер О.* Футурошок. СПб. : Лань, 1997.
- ⁴ См.: *Тоффлер О.* Третья волна. М. : АСТ, 1999.
- ⁵ См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999. С. 18.
- ⁶ Там же. С. 655.
- ⁷ См.: *Иноземцев В. Л.* За пределами экономического общества : постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М. : Academia, Наука, 1998. С. 50.
- ⁸ См.: *Обществом знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО.* Париж : Изд-во ЮНЕСКО, 2005. С. 19.
- ⁹ *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 105.
- ¹⁰ См.: *Гидденс Э.* Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 483.
- ¹¹ *Эванс Т.* Гражданство и права человека в век глобализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. Реферативный журнал. 2002. № 2. С. 11.
- ¹² *Прокудин Д. Е.* Проблемы реализации прав человека в информационном обществе // ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 4. С. 162.
- ¹³ См.: *Интернет в общественной жизни : пер. с англ.* М. : Идея-Пресс, 2006.
- ¹⁴ *Казakov М. Ю., Кутырев В. А.* Интернет как сетевая публичная сфера // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 449.
- ¹⁵ *Понкин И. В.* Понятие публичных услуг // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. 2014. № 1 (38). С. 137.
- ¹⁶ См.: *Новиков Д. Б.* Основные принципы построения эффективной системы распространения правовой информации. 2000. Апрель. URL: <http://www.consultant.ru/about/nc/legalinfo/doklad/> (дата обращения: 01.08.2016).
- ¹⁷ См.: *Шельменков В. Н.* Роль информационных правовых систем в информационном обществе // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18). С. 60.
- ¹⁸ См.: *Полякова Т. М.* Суверенное государство и политика в информационном обществе // Науч. труды Сев.-Зап. ин-та управления. 2011. Т. 2, № 3. С. 152–165.
- ¹⁹ *Андреев А. В.* Глобализация, информационные технологии и формирование «глобального сетевого общества» // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2012. № 1 (49). С. 58.

Образец для цитирования:

Тихонова С. В. Публичная сфера информационного общества : развитие электронного государства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 80–85. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-80-85.

Cite this article as:

Tikhonova S. V. Public Sphere of Information Society: Development of the Electronic State. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 80–85 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-80-85.